

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15.

«Хаган слова», так называется восьмая глава книги академика Рафаэля Гусейнова, в которой пойдёт речь ещё об одном талантливом гении ширванской земли. Эпиграфом к ней служат следующие строчки:

Нет, зовусь не Хагани я,
Халгани я, Халгани.
Благо, бедных я держусь,
И роднее нет родни.

Под ними стоит подпись Хагани Ширвани, о жизни и творчестве которого ведёт речь автор книги в этой главе.

Начинает он своё повествование с того, что в средневековой восточной поэзии каноном наряду с написанием об был и жанр поэтического самовосхваления — фэхрийя.

«Это было своего рода модой, словесным состязанием, соперничеством искусственных мастеров пера и не считалось саморекламой. В свете сказанного и стихи — фэхрийя великого Хагани, которого на современный неискусный взгляд могут производить впечатление бахвалства, не имеющего аналогов в нашей поэзии.

Но Хагани Ширвани с его уникальностью и непохожестью таланта ни на кого другого, не был похож ни на кого и в самовосхвалении. О чём бы он ни писал, в конце концов, свои поэтические медитации и исповеди Хагани завершал хотя бы одной нотой, аккордом положительной автохарактеристики», — пишет Р. Гусейнов на странице 203 и тут же сообщает, что это пристрастие средневекового устада вызвало досадливую реплику у позднейшего поэта классика Сеид Азима Ширвани.

«Он был весьма тщеславным поэтом. Нет у него ни единой ксасы, которая бы не содержала самовосхваления». С этим не согласился вынужденный заступник и поклонник Хагани поэт Шахаб Хорасани, выразив своё отношение в следующих строках:

Не корит здравый ум, отчего
Сколь себя возносил Хагани.
Ведь достойно воспеть не нашлось никого,
Потому он себя и хвалил искони.

А давайте посмотрим, как славословил себя Хагани:

Я — монарх, в чьих руках царство вещаю слова,
Владыка над ним у меня, венценосца земного,
Пусть я тенью кажуся на просторах земли.
Но, как солнце, творения весь мир обошли.
Да разве ж это самореклама. Скорее всего, констатация неоспоримого факта. И как же в таком случае без завистинок и злопыхателей...

На странице 208 автор пишет о том, что «в 1126 году, когда он родился, начинался грандиозный век азербайджанской поэзии. Пока у нас не было Низами Гянджеви. И родившийся в Шамахе будущий гений, сын плотника Али Осман оглу Авзалладин Ибрагим ещё не прославился под именем-псевдонимом Хагани. Али Наджар («наджар» — «плотник») нарэк сына именем деда — Ибрагимом, видел будущность чада на преемственности поприще ремесленника — столяра, плотника...

Возможно, он мог бы стать плотником, как отец, или же учёным-медиком, как его дядя по отцу Кафиаддин, или двоюродный брат Вахиаддин». Но он избрал поприще поэта, чеканка, строгая и отточившая стихи.

Отец наджаром был. Учтя его уроки,
Строгать горазд изысканные строки.
Из-под рубанка выходящая стружка —
Начертанные веком завитушки.
Но неучам неведомы они,
Чеканка слов свершилась с Хагани...

Здесь же мы узнаём о том, как он относился к матери, и какую роль она сыграла в его судьбе. Рабией была мастерицей в готовке пищи. Унаследовав этот дар, Хагани избрал своего рода изысканные «литературные» блюда.

Дочь повара была родная мать,
Её готовка — просто благодать.
Сама на вид — как статная чинара.
В крови моей — теплика её дара.
В уме моём словами зреют чувства,
Удовлетворяя все пиры искусства.
Любясь слов пльвущим караваном,
Воспоминанья плов, приправленный шафраном.
Закатит муза щедрое застолье,
Вкусит участник с радостью хлеб-соли.
И чтоб украсить бытия пиры,
Придумал я новейшие дары.

Ещё одна животворная энергия его искусства — целебная. Он утешал боль, врачевал словом, дарил надежду, накладывая балзам на раны душевные...

Далее мы узнаём о том, что Ибрагим подписывал свои пробы пера именем «Хагаги». Позже — псевдо-

нимом «Афзал». Напоследок — «Хагани». «Это его окончательный выбор. Чем он объясняется? Не тем ли, что он слалг несметные ксасы-оды в честь хаганов-властителей». Есть и сообщение о том, что великий уstad Абуль-Ула Ганджеви при аудиенции у ширванска предстал правителю своего питомца Афзаладина как «Хагани».

Ему не было и 20 лет, когда он оказался при дворе ширваншаха Манучехра, где влиятельнейшим фаворитом и мзтром из слугителей муз был Абуль-Ула Ганджеви, который, скорее всего, уж никак не ожидал, что Хагани удастся вскоре утвердиться в рядах придворной элиты. На странице 216 автор сообщает о том, что благосклонность правителя проявлялась, в частности в том, что венценосец на пириествах наливал в чашу вино и подавал его поэту собственноручно, вместо прислуги и виночерпия. Правитель Ширвана был настолько очарован молодым поэтом, что назначил ему баснословное ежегодное жалование — 30 тысяч дирхемов. К тому же он пожаловал Хагани титул «эмира» и приблизил поэта в качестве советника». Кстати, об этом сообщает сам Хагани в своём «Диване». «Более того, шах вверял поэту вести политические переговоры от своего имени в ряде зарубежных миссий». К тому же на официальных приёмах Хагани занимал одно из золочённых кресел, предназначенных государственным лицам. Словом, «поэт был в зените своей славы и благоденствия».

Но несропта именно здесь автор книги приводит строки из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»:

Минуй нас плути всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

В 1151 году Хагани постигает первое большое горе. Умирает его любимый дядя по отцу Кафиаддин ибн Осман, престиж которого простирался далеко за пределы Ширвана.

«Благодаря авторитету дяди, который был духовным наставником Хагани и его заступником, вокруг поэта сошлись дороги замечательных людей. Пока дядя был жив, ему удавалось оберегать любимого племянника от всех невзгод, подвохов и козней. Дядя ушёл. И Хагани остался без опоры-агаскала, без мудрого жакка, лицом к лицу с суровыми испытаниями на тернистой дороге жизни», — пишет автор книги на странице 221.

Он другом был и был мне вожаком,
Учителем на всём пути моём,
Меня, возведши на вершину знания,
В его гнезде достиг я возмужанья.
Он посвятил меня в законы языка,
И поправлял орех наверхника,
В науку звёзд меня он посвятил.
И я постиг движение светил.
Он был мне как радетельный учитель,
Устад великий, столп и вдохновитель.
Центиль чуткий всех моих поэм,
И звал меня он «Хасан-и аджем».
Мой дар лепелял незабвенный друг,
Ушёл спокойной, испустив свой дух.

Когда меня покинул мой вожак,
Отбоя нет от вражеских атак.
Завистники — враги мои повсюду,
Чернят, злословят, сеют всюду смуту...
И чуж чары моего творенья,
Плещут злобой до остервененья.

В 1152 году Хагани отправляется в большое странствие по арабскому Ираку и по Ираку персидскому. Плод этого странствия — поэма «Тохфат ул-Ирагейн» — «Дары двух Ираков».

В этом путешествии он знакомится с добрым и чутким старым человеком — Джалаледином Даргезином, таким же мудрым наставником, как и его дядя. Он разглядел талант ширванского поэта, но уловил и черты его характера, могущие ему навредить — гордыню, вспыльчивость, нетерпимость. Перед возвращением Хагани в Ширван Джалаледдин посоветовал ему не только придержать язык, но и набраться ума-разума, совершенствовать свои знания в арабском языке. Хагани жадно и прилежно читал, расширял свой кругозор. Но со своим пером и языком управиться не мог. В его стихах звучат протестные ноты, бунтарские призывы, и очернители добиваются своего.

В 1157 году Хагани заковывается в цепи, а перед этим урезает его средства на пропитание. Самое страшное, что во главе чёрной клики, убившей Манучехра в том, что Хагани перебежчик, сбился с праведного пути, отделился от шариата, и к тому же пристрастился к «зелёному змию», стоял Абуль-Ула, который даже не предполагал, что его может постигнуть та же участь. «Почти как инсинуации красных инквизиторов 1937 года. Кажется, в XX веке отождествили события древних времён», — заключает автор на странице 225.

Несколько месяцев тяжёлого заточения не сломили Хагани. Напротив, он стал ещё суровее, бескомпромиснее. Выпущенный на волю в 1159 году, он посе-

щает Ганджу, где впервые встречается с 18-летним Низами. В эти дни он получает письмо из Ширвана от правителя с приглашением в Шамаху на службу. Манучехр к тому времени потерял двух прославленных царедворцев поэтов — Абуль-Улу и Фелеки. Теперь он опасался потерять и третий перл. Хагани возвращается в Шамаху, но его недруги не дремлют. Исполняя на свой лад умение поэта в изговлении ценнейших снадобий и зелий, они запугивают падишаха опасностью для жизни со стороны Хагани, который якобы может напичкать его отравой.

Но в этом случае судьба оказалась на стороне поэта. Его ненавистники, по сути, были врагами и самого Манучехра. Этот клан собиравший совершить переворот, убрать около 400 ключевых персон Ширвана и разорить их владения. Заговор был раскрыт и падишах беспощадно покарал их всех.

Но в 1163 году Манучехр скоропостижно скончался. Спустя год на трон восходит его сын Ахситан, давший волю своей злобной антипатии по отношению к Хагани, который оказался в заточении и три месяца томился в тюрьме. Но через некоторое время, ощущая необходимость в опальном поэте, Ахситан сменяет гнев на милость.

Жизнь Хагани середины 1170 года омрачена чередой тяжёлых утрат. Он теряет 20-летнего сына Рашиаддина. Затем новорождённую дочку, хоронит спутницу жизни Хуршид. Чтобы как-то отвлечься от горя Хагани во второй раз отправляется в паломничество в святые места. По пути он посещает Багдад, руины городища Медаин, которые преобразуются в нетленные строки поэмы «Развалины Медаина».

1176 год. Хагани перебирается в Тебриз. Здесь ему суждено прожить до конца дней. В Ширван, несмотря на угрозы Ахситана, он больше не вернулся. Ему оставалось жить 23 года... В Тебризе он обзаводится новой семьей. 8 августа 1199 года в возрасте 75 лет Хагани обрёл вечный покой на кладбище — пантеоне поэтов — «Магбрат уш-шара», которое находится в Тебризском околоте «Сорхаб».

«В те далекие дни прощания с великим поэтом, никто не огласил мысль, высказанную другим гением, высоко оценившим ушедшего собрата. Суждение удивительно тем, из чьих уст он прозвучало: «Я мечтал, чтобы по окончании жизни моей мне бы прочёл поминальное «марсийа» (поэтическая эпитафия — Р.Г.) Хагани. Увы, пришлось мне произнести марсийо в его памяте».

Это скорбное признание Низами Гянджеви».

Подводя итоги событиям, описанным в этой главе, Рафаэль муаллим пишет о том, что Хагани возвысился на литературный Олимп не дворцовые привилегии и титулы. «Его возвысили вдохновенный труд, книга тростникового пера, бумага, бессонные бдения... И в зените славы, в расцвете таланта, и в тебризские годы он не расстаётся с пером, книгой, наукой. Письмо, отправленное им в 1179 году Ахситану, звучит, как гордый манифест: «Отныне да не будет ни дня с желанием служить шахам!».

Немало, наверное, было во времена Хагани властолюбцев, грезивших о троне и власти. Все они ушли и канули в Лету. Остался Хагани. Ведь власть трона и власть слова — разные вещи.

Этими мудрыми словами Рафаэль муаллим завершает очередную главу своей бесценной книги.

Продолжение следует.

Подготовила Медина ГАСАНОВА.